

Сразу две комедии двух маститых режиссеров выходят на экран почти одновременно. И в "Ширли-мырли" Владимира Меньшова, и в "Московских каникулах" Аллы Суриковой никак нельзя было обойтись без Табакова. Пусть и появляется он в кадре всякий раз ненадолго — в одном случае в облике постоянного обитателя милицмейской камеры предварительного заключения, борца за справедливость, неизменно попадающего в кутузку, в другом — в образе и подобию самого министра торговли Италии синьора Маурицио...

Хорошая современная комедия — редкость. Хорошая современная комедия без Табакова — редкость вдвойне,

какая собирается компания, или, как теперь говорят, команда. Здесь команда всегда достойная.

— А роли? Они ведь совсем короткие! Ваш итальянский министр появляется в кадре всего на пару-тройку эпизодов...

— Зато как экстравагантен! До съемок мне казалось: на русского министра еще потяну, а уж на итальянца, да еще говорящего в кадре исключительно по-итальянски!.. Но я человек авантюрный. Что касается языка, то, знаете, в детстве все мы играли в иностранцев: калы-малы, малы-калы...

Не могу сказать, что я выучил итальянский. Но, в конце концов, я же комический актер, такого рода трудности — моя

ЗАВСЕГДАТАЙ КПЗ НА РОЛЬ ИТАЛЬЯНСКОГО МИНИСТРА

работа.

— Олег Павлович, вы всегда казались неисправимым оптимистом. Это читается и в ваших киноперсонажах, да и сами вы всегда излучали жизнелюбие. Разве что в последнее время вашу улыбку на экране можно было увидеть все реже и реже.

— Думаю, глупо жить, не любя жизнь. В конце концов, она — самый главный нам подарок от Господа Бога.

Что касается кино, то на протяжении последних пяти лет я действительно отказывался от большинства предложений. Это было или пошло, или скучно, и даже перспектива солидного гонорара меня в этих случаях не прельщала. Наверное, это было связано с тем, что люди у нас в кино, как и во многих других сферах жизни, растеряны. Оси координат веры, надежды и любви не совмещаются, прогресс движется в одну сторону, мораль в другую.

Мы сейчас перешли к очень серьезным вещам — может быть, в таком коротком интервью этого делать и не стоило бы. Понимаете, хорошо сформулировано у Толстого: цель искусства — помогать людям полюбить жизнь. Это не розовые очки, не самообман, не уход от реальности в кусты. Я, например, не люблю отдыхать. Я люблю работать. Я счастлив в учениках, сейчас счастлив в любви. И потому мой жизненный тонус сегодня совпал с мироощущением, которое, мне кажется, отличает картину Аллы Суриковой.

— Вам не кажется, что сегодня нам не хватает кота Матроскина с его здравым смыслом, легкой (вполне в пределах нормального) хитрецой и все с тем же неизбывным оптимизмом?

— Я с большой нежностью отношусь к Эдуарду Успенскому и к коту Матроскину. И мечтаю, чтобы Успенский опять что-нибудь такое придумал. Задрал штаны, побегал бы за ним...

Александр КОЛБОВСКИЙ.

Фото Александра ИЗОВОТА.

нонсенс, что-то почти нереальное. Почему? Об этом — разговор с Олегом Павловичем Табаковым.

— Комедия — естественная реакция организма — зрительского, человеческого, в том числе и моего — на все, что происходит вокруг. Мы объелись чернухой и прочим подобным, душа просит чего-то иного. Видимо, подтверждаются слова Карла Маркса, утверждавшего, правда, совершенно по иному поводу, что человечество, смеясь, расстается со своим прошлым. Долго рассматривать собственные экскременты невозможно, противостоит.

После ставших уже назойливыми откровений о нашей жизни, которые в кинематографе выразились в форме уже упомянутой чернухи, пошлости и неверия, Сурикова и Меньшов в своих новых комедиях дают нечто прямо противоположное.

— Вы ведь уже снимались у Меньшова в фильме "Москва слезам не верит", у Суриковой — в "Человеке с бульвара Капуцинов"...

— Должен был работать с Суриковой и в "Двух стрелах", но что-то тогда не сложилось по срокам...

Актеры нередко соглашаются на ту или иную роль в зависимости от того, ка-

интервью 1995 г.